

Ложная информация в уголовном праве: категории заведомой ложности и недостоверности

Аннотация. В статье исследуется субъективная сторона распространения информации, не соответствующей действительности. Для тех норм УК РФ, в которых указан только один из двух признаков — ложность или недостоверность, их содержание следует разграничивать. Признак заведомой ложности свидетельствует о точном знании, что сведения ложные; признак заведомой недостоверности отражает допущение соответствия или несоответствия действительности. Недостаточную проверку или выборочное исследование источников можно относить только к недостоверности. Заведомая ложность не может быть установлена лишь на основании того, что сведения не соответствуют определенным источникам, даже если источники официальные. Установление признаков распространенных сведений должно проходить в два этапа: оценка объективного соответствия или несоответствия действительности, после которой следует оценка субъективного восприятия распространителя. Основа выводов для статей уголовного закона о фейковых новостях — в учении о клевете, для которого понятие заведомой ложности является центральным. При этом при установлении умысла на распространение ложных сведений не следует пользоваться категорией добросовестного заблуждения: она противоречит устойчивому требованию прямого умысла для клеветы и фактически не поддерживается практикой, даже если суд упоминает подобную формулировку в решении. В целом для распространения недостоверных сведений предпочтительны механизмы административной и гражданско-правовой ответственности; в сфере уголовного права криминализовано должно быть исключительно заведомо ложное распространение, поскольку грани допущения истинности или ложности могут быть различными, а многообразие источников и дискуссия необходимы для общественного развития.

Ключевые слова: заведомая ложность; недостоверность; клевета; фейковая информация; общественно значимая информация; фактическое утверждение; форма вины; уголовное право; злоупотребление свободой массовой информации; источник информации.

Для цитирования: Алексеева Т. С. Ложная информация в уголовном праве: категории заведомой ложности и недостоверности // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 120–131. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.120-131.

© Алексеева Т. С., 2024

* Алексеева Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, юрист ООО «Аналитический центр уголовного права и криминологии»

Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), г. Москва, Российская Федерация, 119991
alexeyevatatiana@mail.ru

False Information in Criminal Law: Categories of Deliberate Falsity and Unreliability

Tatyana S. Alekseeva, Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University, Lawyer of the Analytical Center of Criminal Law and Criminology, Moscow, Russian Federation
alexeyevatatiana@mail.ru

Abstract. The paper examines the subjective side of disseminating information that does not correspond to reality. For those provisions of the Criminal Code of the Russian Federation that indicate only one of two characteristics—falsity or unreliability—their content should be distinguished. The sign of deliberate falsity indicates precise knowledge that the information is false; the sign of deliberate unreliability reflects the assumption of correspondence or discrepancy with reality. Insufficient verification or selective examination of sources can only be attributed to unreliability. Deliberate falsity cannot be established solely on the basis that information does not correspond to certain sources, even if the sources are official. The establishment of the characteristics of disseminated information must take place in two stages: an assessment of the objective correspondence or discrepancy with reality, followed by an assessment of the subjective perception of the distributor. The basis for the conclusions for the articles of the criminal law on «fake» news is in the doctrine of defamation, for which the concept of deliberate falsity is central. At the same time, when establishing the intent to disseminate false information, one should not use the category of honest error: it contradicts the stable requirement of direct intent for defamation and is not actually supported by practice, even if the court mentions such wording in the decision. In general, administrative and civil liability mechanisms are preferable for the dissemination of false information; in the sphere of criminal law, only knowingly false dissemination should be criminalized, since the limits of accepting truth or falsity may vary, and a variety of sources and discussion are necessary for social development.

Keywords: deliberate falsity; unreliability; defamation; fake information; socially significant information; factual statement; form of guilt; criminal law; abuse of freedom of the mass media; source of information.

Cite as: Alekseeva TS. False Information in Criminal Law: Categories of Deliberate Falsity and Unreliability. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):120-131. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.120-131

Введение

Распространение информации, не соответствующей действительности, характеризует объективную сторону целого ряда преступлений в УК РФ: среди них как составы преступлений, существующие в уголовном праве уже не одно столетие (в частности, клевета и заведомо ложный донос), так и введенные в последние годы нормы о распространении информации, составляющей предмет общественного интереса, например об

обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ). Вслед за англоязычным термином «fake news» новые статьи нередко называются статьями о фейках¹.

Объективная характеристика рассматриваемых сведений — их несоответствие действительности: факты или события «не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения»².

Субъективная сторона распространения ложной информации может быть описана

¹ См., например: *Сараев В. В.* Спортивные «фейки»: уголовно-правовой и криминологический аспекты в разрезе ст. 207.2 УК РФ // *Российский следователь*. 2023. № 1. С. 40–44 ; *Терских А. И.* Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые — наказание реальное // *Законность*. 2022. № 8. С. 32–37.

² Абзац 4 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // *Российская газета*. 2005. № 50.

по-разному: сведения могут быть заведомо ложными или заведомо недостоверными. Увеличение количества норм, устанавливающих уголовную ответственность за распространение не соответствующей действительности информации, — основание особенно точно устанавливать признаки субъективной стороны таких составов преступлений. Кроме того, интенсивное развитие генеративных систем (таких, как ChatGPT) обостряет проблему распространения информации в случаях, когда распространитель не автор, но не перепроверяет сведения. Установить, осознавал ли обвиняемый ложный характер информации, если он, «не будучи источником, выступает лишь в качестве “ретранслятора” таких сведений»³, гораздо сложнее, чем описать его отношение к собственной выдумке (или собственному заблуждению).

В рамках данной статьи не будут рассмотрены «неполные» сведения, поскольку неполнота подразумевает, что субъект обладает систематизированным набором сведений, но часть из них осознанно утаивает. Не сообщается никакой ложной информации, хотя и оказывается влияние на формирование позиции конкретного адресата или неопределенного круга лиц. Например, в диспозиции ч. 4 ст. 170.1 УК РФ установлена ответственность за внесение в реестр владельцев ценных бумаг неполных *или* недостоверных сведений.

Постановка проблемы: законодательная техника

На первый взгляд, законодатель дает некоторые основания не проводить различий между ложностью и недостоверностью: в частности, в п. 1 примечания к статье 322.3 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за фиктивную постановку иностранных граждан или апатри-

дов на учет по месту пребывания, говорится о «заведомо недостоверных (ложных) сведениях или документах». С точки зрения юридической техники относительно специальных видов мошенничества подразумевается, что сообщаемые для хищения сведения могут быть недостоверными *и* ложными либо недостоверными *или* ложными. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по ст. 159.1 УК РФ также подталкивают к выводу, что «для наделения данных категорий разным содержанием оснований нет»⁴, и практика это подтверждает: в приговорах распространена формулировка «путем предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений» (например, ложных *и* недостоверных сведений о месте работы и доходах⁵, о трудовом стаже⁶).

Тем не менее данные выводы неприменимы для составов, в которых признаком является исключительно заведомая *ложность* сведений (т.е. для ст. 128.1, 176, 185.3, 207, 306, 354.1 и др.). Сущность общественной опасности таких преступлений именно в распространении не соответствующей действительности информации и отношении к такому распространению, и признаки субъективной стороны в большей степени конкретизированы.

Отождествление ложности и недостоверности недопустимо также потому, что некоторые составы преступлений с признаком заведомой ложности являются смежными по отношению к составам административных правонарушений с признаком заведомой недостоверности. Именно поэтому перед Верховным Судом РФ был поставлен вопрос о соотношении ст. 207.1 УК РФ и ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ. Нормы различны по целому ряду признаков, начиная от круга возможных субъектов ответственности, однако административные правонарушения, запрещенные частями 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ, могут быть совершены не только юридическим,

³ Кибальник А. Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5.

⁴ Яни П. С. Фальсификация единых государственных реестров (статья 285.3 УК): вопросы квалификации // Законность. 2021. № 8. С. 38–43.

⁵ Постановление Чусовского городского суда (Пермский край) от 23.03.2021 по делу № 1-64/2021 // URL: www.sudact.ru/regular/doc/Rv2MJKgWZQM/ (дата обращения: 01.03.2023).

⁶ Приговор Бийского городского суда (Алтайский край) от 08.10.2020 по делу № 1-189/2020 // URL: www.sudact.ru/regular/doc/OBCSQwV2gidT/ (дата обращения: 01.03.2023).

но и физическим лицом. В этой связи в литературе приводятся результаты анализа практики мировых судов, согласно которым одни и те же фактические обстоятельства оцениваются как по ст. 207.1 УК РФ, так и по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ⁷.

Верховный Суд РФ при анализе названных норм обратил внимание на установление условий, целей и мотивов распространения информации, «реальную общественную опасность», вред отношениям в сфере безопасности, но от формулирования позиции по «недостоверности» и «ложности» воздержался⁸. Разное конструирование норм уголовного закона и не способствует появлению четкого ответа на уровне высшей судебной инстанции. Так, например, по конкретному делу проверено и установлено, что фактическое суждение «А» не соответствует действительности. Следующий шаг — установление субъективного отношения распространителя к «А». Сведения сначала оцениваются в рамках объективной истины — действительности как она есть, затем в рамках субъективной — с точки зрения восприятия самим лицом (абсолютная убежденность в неверном факте, по выражению одного из судов, «может быть ошибочной, но никогда заведомо ложной»⁹).

Для дальнейшего анализа сконструируем несколько моделей, где судом установлено, что лицо распространило сведения, не соответствующие действительности:

1) ...будучи уверенным, что они не соответствуют действительности (модель 1);

2) ...допуская, что они могут оказаться не соответствующими действительности (модель 2);

3) ...воспринимая их как действительные, но не проведя проверки фактов, чтобы установить, истинны ли они (модель 3);

4) ...воспринимая их как действительные по итогам анализа определенных источников, вместе с тем понимая, что сведения не соответствовали другим источникам (модель 4).

Заведомая ложность и добросовестное заблуждение: возможность сосуществования?

Модель 1 с очевидностью может быть отнесена к заведомой ложности. Как оценить *допущение*, что распространяемое суждение ложно (модель 2)? Допущение в целом корреспондирует косвенному умыслу в российском уголовном праве, и в этом вопросе нельзя обойтись без исследования клеветы: в отношении нее существует наибольшее число доктринальных и практических разработок в области оценки отношения к истинности информации. Предложение о возможности косвенного умысла для клеветы нечасто, но встречается и сейчас¹⁰, а исторически было крайне распространено. Однако множество элементов, к которым у виновного может быть разное отношение, порождает авторские трактовки того, что именно допускается виновным. При анализе клеветы многие авторы отходят от классического определения умысла по отношению к последствиям. Например, допустить можно сам факт распространения, притом что отсутствие осознания ложности исключает состав преступления¹¹. Допущение возможно

⁷ Харламов Д. Д. Новеллы уголовного закона, связанные с пандемией коронавируса (COVID-19): вопросы квалификации // Уголовное право. 2021. № 5. С. 53.

⁸ Ответ на вопрос № 13 в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции, № 1, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

⁹ Приговор Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края от 06.03.2017 по делу № 10-2/2017 (10-23/16) (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁰ См., например: Рудый Н. К. Уголовно-правовая характеристика клеветы // Российский судья. 2002. № 8.

¹¹ Советское уголовное право. Часть особенная / под общ. ред. А. А. Герцензона и З. А. Вышинской. М., 1951. С. 235–236 (автор главы — А. А. Пионтковский).

по отношению к унижению достоинства потерпевшего в глазах третьих лиц, если при ложном обвинении непосредственно человека в лицо игнорируется, что это слышат, и т.д.¹²

Поскольку в рамках данной статьи рассматривается именно оценка соответствия или несоответствия недействительности, представляет особый интерес позиция Э. Я. Немировского: распространение на авось делает возможным признание клеветы с эвентуальным умыслом. Автор описывает данную форму вины так: «... не уверен в... лживости, и оглашение нельзя назвать заведомо ложным, но не уверен и в справедливости этого обстоятельства и действует на авось: не принимает мер к проверке позорящего слуха и готов на худой конец, чтобы слух не подтвердился, лишь бы произвести сенсацию, поднять тираж газеты или ради других каких-либо целей»¹³. Интересно, что приведенная позиция всё же содержит прямое указание на то, что описанная им ситуация в строгом смысле не является заведомой ложностью, хотя сам автор, очевидно, считает это несправедливым.

Ключевые противоположные грани таковы: абсолютная убежденность в том, что сведения точно соответствуют действительности (заведомая истинность), или абсолютная убежденность в том, что сведения действительности точно не соответствуют (заведомая ложность). Для оценки разных граней допущения (т.е. всех сомнений между этими двумя полюсами) актуализируется категория добросовестного заблуждения, развитая в учении о клевете, но на самом деле

серьезно запутывающая установление признаков субъективной стороны.

Указание на добросовестность воспроизводится в научных работах¹⁴ и судебных решениях¹⁵, но ее содержание раскрывается далеко не всеми и сводится к проверке источников, подмене предположений и догадок утверждениями. По описанию И. Я. Фойницкого: «Оглашение обстоятельств, недостаточно проверенных и впоследствии оказавшихся лживыми, будет клеветой или просто ненаказуемой сплетней, смотря по тому, добросовестно ли почитал их истинными огласивший или допускал их лживость»¹⁶.

Недостаточная проверка имеет разные стандарты и еще больше приближает форму вины в клевете не просто к косвенному умыслу, но к легкомыслию (т.е. к модели 3: когда сведения воспринимаются как действительные, но не проводится их проверка). По этой причине в литературе предпринимается попытка ограничить действие категории добросовестности случаями наличия специальной обязанности по проверке информации, по типу той, что установлена в Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»¹⁷; впрочем, абсолютизировать обязанность СМИ также не стоит, поскольку очевидно, что для журналистов «своевременность сообщения является условием успеха», что обуславливает большее доверие к разным лицам — источникам информации и большую поспешность в оценке на предмет достоверности¹⁸.

¹² Ной И. С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. Саратов, 1959. С. 67.

¹³ Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Одесса, 1924. С. 69.

¹⁴ См., например: Марогулова И. Л. Защита чести и достоинства личности. М., 1998. С. 25 ; Чердниченко Е. Е. Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики) : монография. М., 2010. С. 44.

¹⁵ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2020 № 77-817/2020 ; кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27.10.2021 № 77-4097/2021 ; апелляционное постановление Волжского городского суда (Волгоградская область) от 23.07.2020 по делу № 10-27/2020 // URL: www.sudact.ru/regular/doc/FZLYZKERZhob/ (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁶ Курс уголовного права И. Я. Фойницкого, ординарного профессора С.-Петербургского факультета. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. Изд. 2-е, пересмотр. СПб., 1893. С. 124.

¹⁷ Арямов А. А., Пономаренко В. С. Механизм уголовно-правовой защиты чести и достоинства. М., 2010. С. 169.

¹⁸ Решение Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената № 10 от 18.02.1892 по делу присяжного поверенного Бориса Дорна // Решения Уголовного кассационного департамента

Если мы соглашаемся с утверждением, что состав клеветы может быть исключен *только* добросовестным заблуждением, то недобросовестное заблуждение его не исключает. Допустим, «А» распространяет услышанную им от «В» информацию, в целом считая ее скорее истинной, чем ложной (до конца не уверен). Распространенная информация действительности не соответствует. К сведениям, полученным от «В», ничего не было прибавлено, никакие данные не были искажены. Проверок «А» не проводил, источники по этому вопросу не проверял. Если правоприменитель задастся вопросом, действовал ли «А» на авось, то несложно прийти к выводу, что «надежда (в приведенном примере — надежда «А». — Т. А.) не связана с расчетом на конкретные реальные обстоятельства и лицо рассчитывает на какую-либо случайность», а расчет на авось исключает добросовестные заблуждения¹⁹.

В этой парадигме будет установлен признак заведомой ложности: добросовестность «возвращает» нас к косвенному умыслу и легкомыслию, даже если придерживающиеся этого довода авторы говорят только об умысле прямом. Между тем отношение к достоверности информации многогранно, по ряду вопросов абсолютная уверенность в истинности — скорее исключение, чем правило. Как подчеркивал М. В. Духовской, «даже очевидцы факта могут представлять его себе в ином виде»²⁰.

Если «А» в приведенном примере, распространяя информацию, сказал бы, что «уверен в этом на 90 %», это все равно означало бы, что он *допускает* несоответствие сведений действительности. Получается, что почти абсолютная, но не полная, уверенность в истинности информации отождествляется с заведомой ложностью. Это не подтверждает судебная практика: хотя в решениях довольно устойчиво повторяется формулировка о добросовестности заблуждений, ключевой вывод — заведомая ложность не может быть установлена, если у обвиняемого есть сомнения в ложности. Об этом свидетельствует, например, утверждение, что для установления заведомой ложности «должно быть достоверно известно о лживости сведений, не предусматривая сомнения или сложившегося убеждения в их правоте...»²¹.

Аргумент, что заведомость — «*точное* знание лица о ложности распространяемых им сведений (выделено мной. — Т. А.)»²², устойчиво используется правоприменителем. Общие описания субъективной стороны клеветы в практике кассационных судов часто включают или последовательное приведение терминов «точное знание» и «добросовестное заблуждение» (т.е. по существу взаимоисключающих категорий, поскольку они закладывают разные стандарты отношения, которое требуется доказать)²³, или ссылку *исключительно* на точное знание²⁴.

Правительствующего сената за 1892 год : издание неофициальное. Екатеринбург : Типография Исаака Когана, 1911. С. 27.

¹⁹ Рудый Н. К. Указ. соч.

²⁰ Духовской М. В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву. Ярославль, 1873. С. 234.

²¹ Суд оставил в силе оправдательный приговор, посчитав умысел на распространение заведомо ложных сведений недоказанным. См.: апелляционное определение Саровского городского суда Нижегородской области от 25.02.2020 по делу № 10-1/2020 // URL: www.sudact.ru/regular/doc/yJdKG8p1GQQQ/ (дата обращения: 17.02.2023).

²² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2020 № 77-2859/2020.

²³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.11.2020 № 77-2326/2020.

²⁴ К ссылке на «точное знание» добавляется указание: «При отсутствии доказательств, свидетельствующих о том, что гражданин достоверно знает о ложности распространяемых им в отношении иного лица сведений, он не может нести уголовную ответственность...» См., например: кассационные определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2021 № 77-824/2021 ; от 22.04.2021 по делу № 77-667/2021.

Некоторые суды дополняют устоявшиеся описания конкретизацией намерения лица причинить вред чести и достоинству. Например, обвиняемой Т. были распространены сведения, что врач-психиатр Ф. И. О. 1 безосновательно поместил в психиатрическую больницу беременную Ф. И. О. 2. При оценке утверждения суд указал, что основанием привлечения лица к ответственности могут быть не недостоверные сведения сами по себе, а только то, что обращение не имело под собой никаких оснований и было продиктовано намерением оклеветать и причинить вред другому лицу. Обвиняемая была оправдана в связи с отсутствием в ее действиях прямого умысла²⁵.

Важно, что аргумент о добросовестном заблуждении актуализируется вовсе не только для клеветы. Например, заведомо ложный донос, смежный с клеветой состав преступления, вопреки позиции отдельных исследователей²⁶, не должен порождать таких колебаний на практике и в доктрине: если лицо, сообщая о совершении преступления, допускает, что оно на самом деле было совершено, невозможно привлечь его к ответственности. По сравнению с клеветой для такого вывода присутствует дополнительное основание: последующая проверка информации правоохранительными органами в таком случае объективно необходима, присутствует публичный интерес.

Таким образом, заведомая ложность — *убежденность* лица в том, что распространяемые сведения не соответствуют действительности (*только модель 1*). *Допущение*, что сведения не соответствуют действительности, исключает признаки составов уголовно наказуемого

распространения заведомо *ложных* сведений: если установлено допущение, то речь может идти исключительно о признаке недостоверности, а не ложности.

Недостоверность: допущения

В различных отраслях юридической науки дается толкование «достоверных» и «недостоверных», и оно гораздо многообразнее по сравнению с антонимичной парой «ложные — истинные». Например, в конституционно-правовой литературе встречается толкование, согласно которому достоверность отражает одновременно точность, непротиворечивость и объективность. В аспекте достоверности анализируется также выборочное предоставление сведений²⁷.

Заслуживает внимания и описание недостоверности, предложенное С. В. Симоновой со ссылкой на экспертное мнение Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Автор сравнивает разные параметры: с одной стороны, несоответствие действительности (истине), с другой — недостоверность информации, которая «отражает уровень доверия к источнику информации»²⁸. Недостоверность, таким образом, относится не к истинности информации непосредственно, а к тому, насколько она *правдоподобна*, с учетом используемых источников, ссылок, манеры изложения: например, если высказываемые утверждения категоричны, то чем они подкреплены, и т.д.

В уголовно-правовой доктрине, хотя данные понятия некоторыми исследователями рассматриваются как тождественные²⁹, иногда

²⁵ Апелляционный приговор Юстинского районного суда Республики Калмыкия от 29.07.2021 по делу № 10-1/2021.

²⁶ «Добросовестное заблуждение в оценке сообщенных сведений исключает возможность квалификации последних как ложного доноса (выделено мной. — Т. А.)» (Бриллиантов А. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации // Уголовное право. 2014. № 3. С. 13–18).

²⁷ Снежко О. А. Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6.

²⁸ Симонова С. В. Обеспечение достоверности информации в сети Интернет: современные правовые основы и юридическая практика // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11.

²⁹ См., например: Гордейчик С. А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 72.

предлагается смешанный критерий: авторское участие субъекта в создании сведений, а также объем той информации, которая не соответствует действительности. По мнению Н. Г. Иванова, ложные сведения действительности не соответствуют «ни в каком виде и ни в каком варианте», это «плод выдумки», а недостоверные — «могут полностью или частично не соответствовать действительности, но они не являются исключительной выдумкой, фантазией»³⁰. Между тем часто оценить сведения на предмет «выдумки», о которой говорит автор, невозможно: информация получена от других лиц и лишена какого-либо авторского вклада³¹. Однако важна идея Н. Г. Иванова, что недостоверные сведения часто частично основаны на фактах.

Во введении было кратко указано на проблему разграничения ст. 207.1 УК РФ и ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ. Такое разграничение — по признакам ложности и недостоверности — можно провести, только если для характеристики недостоверности избрать именно те варианты, которые связаны с допущением соответствия или несоответствия действительности, недостаточной проверкой информации. Для описания заведомой ложности допущения и недостаточная проверка неприемлема, а потому особые опасения вызывает расширение признака заведомой ложности в применении статей о фейках до вешеприведенной модели 4 — обвинений не просто в недостаточной проверке, но в выбо-

рочном использовании источников (это приближает форму вины к небрежности со следующей формулой: «не осознавал ложность сведений, но, используя определенные источники и не используя другие, мог и должен был осознавать, что информация действительности не соответствует»).

Отнесение всей работы субъекта с источниками к недостоверности соответствует и значению слов: если «ложность» — это несоответствие истине, «неправдивость»³², то «досто-» — частица, используемая для усиления «достоинства или значения» существительного или прилагательного³³, под «достоверным» понимается «не вызывающий сомнений, надежный»³⁴. Следовательно, «недостоверность» как отсутствие качества достоверности означает отсутствие дополнительных причин, оснований доверять полученной информации, «гарантий» ее бесспорности.

Иногда в доктрине используется категория «предположительно ложные сведения»³⁵, но при наличии в законе термина «недостоверные» правильно придерживаться именно его, не умножая сущности. Заведомая недостоверность проявляется в том, что субъект осознает, что информация может *оказаться* неточной или искаженной. Некоторые решения по делам об административных правонарушениях это отражают (именно в административно-правовой, а не в уголовно-правовой плоскости и должны рассматриваться такие дела, поскольку заведо-

«...можно предположить, что ложная информация является недостоверной. <...> Изложенное свидетельствует об идентичности предмета преступления и административного правонарушения (применительно к ст. 207.1, 207.2 УК РФ, ст. 13.15 КоАП РФ. — Т. А.)» (Терских А. И. Указ. соч.).

³⁰ Иванов Н. Г. Объективная сторона распространения ложной информации // Уголовное право. 2020. № 5. С. 66–67.

³¹ Связанная с вымыслом или выдумкой терминология встречается в судебных решениях крайне редко. Например, в оправдательном приговоре 2010 г. описано, что для вменения клеветы лицо должно достоверно знать, что «распространяет вымышленные сведения о поступках человека» (приговор Зилаирского районного суда Республики Башкортостан от 29.04.2010 № 10-2/2010).

³² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 2. С. 241.

³³ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 479.

³⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 16-е, испр. / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 152.

³⁵ Аниськина Э. Г., Муллахметова Н. Е. Проблемы квалификации клеветы // Уголовное право. 2020. № 5. С. 10–11.

мая ложность в этих случаях исключена). Например, в постановлении Бикинского городского суда по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ описано, что Г., «не убедившись в достоверности общезначимой информации, полученной из неустановленных источников», просила распространить указанные сведения в различных группах в Интернете, при этом «субъективная сторона правонарушения характеризуется умыслом», а умысел «заклучался в намерении распространить заведомо недостоверную общественно значимую информацию под видом достоверной»³⁶. В возбуждении уголовного дела в отношении Г. по ст. 207.1 УК РФ ранее было отказано.

Интерес представляет и оценка судом утверждения, что под грифом «пневмония» маскируют диагноз COVID-19: за распространение данного утверждения З. А. была признана виновной в совершении административного правонарушения, закрепленного в ст. 13.15 КоАП РФ. То, что З. А. «не убедилась в достоверности информации», не проверила сведения, не привела доказательств, послужило основанием для признания ее виновной. Ссылка З. А. на отсутствие у нее специальных познаний не была принята судом, поскольку не является основанием распространять информацию без проверки³⁷.

Отсутствие проверки информации, таким образом, не имеет отношения к установлению заведомой ложности, однако свидетельствует о заведомой недостоверности. В целом несложно представить и ситуацию, когда обвиняемый проводил проверку, но по ее результатам не смог удостовериться ни в истинности, ни в ложности информации и принял решение распространить информацию, осознавая, что она может ока-

заться не соответствующей действительности (в большей или меньшей степени). Тогда значение может иметь форма изложения: сведения могут быть оценены на предмет заведомой недостоверности, если изложены как однозначно истинные. Преподнесение суждений как предположений соответствует отношению субъекта в полной мере и исключает возможность привлечения к какому-либо виду публичной ответственности.

Тем не менее в доктрине для установления не просто заведомой недостоверности, но заведомой *ложности* иногда предлагается ориентироваться не на факт проверки информации сам по себе, а на официальные источники (или официальные данные)³⁸. Такие предложения получают справедливую критику. В частности, Д. Ю. Вешняков, комментируя ст. 207.1 УК РФ, отмечает, что источник официальных данных неясен: антропогенные и природные явления могут быть проанализированы в том числе учреждениями и организациями, не относящимися к публичной власти³⁹. Толкование через категорию официальной информации исключает любую форму дискуссии по общественно значимым вопросам.

Об официальных источниках применительно к уголовно-правовым нормам *не* упоминает Верховный Суд РФ в своих обзорах по отдельным вопросам судебной практики. Ответ на вопрос о диспозициях ст. 207.1 и 207.2 УК РФ содержит разъяснение в том же ключе, в каком заведомая ложность устанавливается по делам о клевете. А именно, что заведомо ложная информация «изначально не соответствует действительности, о чем достоверно известно лицу, ее распространявшему»⁴⁰.

³⁶ Постановление Бикинского городского суда (Хабаровский край) от 06.07.2020 по делу № 5-191/2020 // URL: www.sudact.ru/regular/doc/Wef25TkWNGJ/ (дата обращения: 27.02.2023).

³⁷ Решение Усманского районного суда Липецкой области от 30.10.2020 по делу № 12-39/2020.

³⁸ А. П. Кузнецов раскрывает понятие заведомой ложности через полное или частичное несоответствие официальным данным, но дополнительного обоснования этому не приводит. См.: Кузнецов А. П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.1 УК РФ // Российский следователь. 2020. № 10.

³⁹ Вешняков Д. Ю. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК) // Законность. 2021. № 7.

⁴⁰ Ответ на вопрос № 12 в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации

Разъяснения Верховного Суда, данные в названных обзорах по отдельным вопросам судебной практики, предлагается распространять и на ч. 1–2 ст. 207.3 УК РФ в силу сходной конструкции составов⁴¹. Уникальной особенностью ст. 207.1–207.3 УК РФ является наличие также признака распространения информации под видом достоверной, что *повышает* необходимость точного установления признаков субъективной стороны, а именно осознанного использования особой формы изложения материала, которая повышала бы доверие реципиента к информации.

Ссылка на источники в обоснование заведомости может быть использована, как представляется, в исключительных случаях. Например, когда предметом исследования суда было утверждение Е., что пандемии COVID-19 на самом деле не существует, в своем решении судья сослался на широкое освещение пандемии в источниках (всех СМИ). Те источники, которые, по версии обвиняемой, она использовала, не были ею конкретизированы — были представлены в общем виде, без уточнения. С точки зрения общественной опасности деяния важно и то, что Е. призывала нарушать установленные в период пандемии запреты, выходить на улицу⁴².

Если речь идет не о широком освещении события, а о противоречивых изложениях фактов в разных источниках, то использование одних источников вместо других само по себе может свидетельствовать только о заведомой недосто-

верности, но никак не о заведомой ложности, но и недостоверность подлежит обязательному доказыванию. Иное толкование превращает формулу «заведомо ложно» в «заведомо не соответствует конкретным источникам». Например, в одном из обвинительных приговоров признано, что обвиняемая распространяла данные из иностранных СМИ и действовала «из ложно понимаемых общественных интересов»⁴³. Однако отбор конкретных видов источников из массы не исключает убежденность лица в том, что сведения в них соответствуют истине, особенно когда суд сам признает, что обвиняемая так понимала общественные интересы.

Заключение

Таким образом, для норм, в которых конструкция состава содержит признак «заведомая ложность» (без указания на заведомую недостоверность), требуется доказать, что обвиняемый был уверен, что информация не соответствует действительности. Любое другое толкование может относиться только к заведомой недостоверности, а для недостоверных сведений применимы иные механизмы: гражданско-правовые (как в случае клеветы и диффамации) или административно-правовые (как в случае смежных со ст. 207.1–207.3 УК РФ административных правонарушений).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аниськина Э. Г., Муллахметова Н. Е. Проблемы квалификации клеветы // Уголовное право. — 2020. — № 5. — С. 6–12.
2. Арямов А. А., Пономаренко В. С. Механизм уголовно-правовой защиты чести и достоинства. — М., 2010. — 376 с.

новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 2, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

⁴¹ Есаков Г. А. Уголовное законодательство [спецоперационного] времени // Закон. 2022. № 3. С. 135–136.

⁴² Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2021 № 77-4915/2021.

⁴³ Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 03.08.2022 по делу № 1-184/2022.

3. *Бриллиантов А. В.* Заведомо ложный донос: вопросы квалификации // Уголовное право. — 2014. — № 3. — С. 13–18.
4. *Вешняков Д. Ю.* Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК) // Законность. — 2021. — № 7. — С. 36–40.
5. *Гордейчик С. А.* Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. — 2020. — № 6. — С. 72.
6. *Духовской М. В.* Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву. — Ярославль, 1873. — 252 с.
7. *Есаков Г. А.* Уголовное законодательство [спецоперационного] времени // Закон. — 2022. — № 3. — С. 135–138.
8. *Иванов Н. Г.* Объективная сторона распространения ложной информации // Уголовное право. — 2020. — № 5. — С. 64–69.
9. *Кибальник А. Г.* Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. — 2020. — № 5. — С. 41–44.
10. *Кузнецов А. П.* Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.1 УК РФ // Российский следователь. — 2020. — № 10. — С. 52–55.
11. Курс уголовного права И. Я. Фойницкого, ординарного профессора С.-Петербургского факультета. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. — Изд. 2-е, пересмотр. — СПб., 1893. — 440 с.
12. *Марогулова И. Л.* Защита чести и достоинства личности. — М., 1998. — 128 с.
13. *Немировский Э. Я.* Советское уголовное право. — Одесса, 1924. — 292 с.
14. *Ной И. С.* Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1959. — 125 с.
15. *Рудый Н. К.* Уголовно-правовая характеристика клеветы // Российский судья. — 2002. — № 8. — С. 38–44.
16. *Сараев В. В.* Спортивные «фейки»: уголовно-правовой и криминологический аспекты в разрезе ст. 207.2 УК РФ // Российский следователь. — 2023. — № 1. — С. 40–44.
17. *Симонова С. В.* Обеспечение достоверности информации в сети Интернет: современные правовые основы и юридическая практика // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 11.
18. *Снежко О. А.* Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 6. — С. 38–43.
19. Советское уголовное право. Часть особенная / под общ. ред. А. А. Герцензона и З. А. Вышинской. — М., 1951. — 431 с.
20. *Терских А. И.* Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые — наказание реальное // Законность. — 2022. — № 8. — С. 32–37.
21. *Харламов Д. Д.* Новеллы уголовного закона, связанные с пандемией коронавируса (COVID-19): вопросы квалификации // Уголовное право. — 2021. — № 5. — С. 43–53.
22. *Чередниченко Е. Е.* Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики) : монография. — М., 2010. — 144 с.
23. *Яни П. С.* Фальсификация единых государственных реестров (статья 285.3 УК): вопросы квалификации // Законность. — 2021. — № 8. — С. 38–43.

Материал поступил в редакцию 21 января 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aniskina E. G., Mullakhmetova N. E. Problemy kvalifikatsii klevety // Uголовное право. — 2020. — № 5. — С. 6–12.
2. Aryamov A. A., Ponomarenko V. S. Mekhanizm uголовно-pravovoy zashchity chesti i dostoinstva. — М., 2010. — 376 с.
3. Brilliantov A. V. Zavedomo lozhnyy donos: voprosy kvalifikatsii // Uголовное право. — 2014. — № 3. — С. 13–18.
4. Veshnyakov D. Yu. Kvalifikatsiya publichnogo rasprostraneniya zavedomo lozhnoy informatsii ob obstoyatelstvakh, predstavlyayushchikh ugrozu zhizni i bezopasnosti grazhdan (st. 207.1 UK) // Zakonnost. — 2021. — № 7. — С. 36–40.
5. Gordeychik S. A. Uголовная ответственность за publichnoe rasprostranenie zavedomo lozhnoy informatsii // Rossiyskaya yustitsiya. — 2020. — № 6. — С. 72.
6. Dukhovskoy M. V. Ponyatie klevety kak prestupleniya protiv chesti chastnykh lits po russkomu pravu. — Yaroslavl, 1873. — 252 с.
7. Esakov G. A. Uголовное законодательство [spetsoperatsionnogo] vremeni // Zakon. — 2022. — № 3. — С. 135–138.
8. Ivanov N. G. Obektivnaya storona rasprostraneniya lozhnoy informatsii // Uголовное право. — 2020. — № 5. — С. 64–69.
9. Kibalnik A. G. Uголовно-pravovaya reaktsiya na koronavirusnyuyu pandemiyu // Zakonnost. — 2020. — № 5. — С. 41–44.
10. Kuznetsov A. P. Uголовно-pravovaya okhrana obshchestvennoy bezopasnosti: nauchnyy obzor st. 207.1 UK RF // Rossiyskiy sledovatel. — 2020. — № 10. — С. 52–55.
11. Kurs uголовного права I. Ya. Foynitskogo, ordinarnogo professora S.-Peterburgskogo fakulteta. Chast osobennaya. Posyagatelstva na lichnost i imushchestvo. — Izd. 2-e, peresmotr. — SPb., 1893. — 440 с.
12. Marogulova I. L. Zashchita chesti i dostoinstva lichnosti. — М., 1998. — 128 с.
13. Nemirovskiy E. Ya. Sovetskoe uголовное право. — Odessa, 1924. — 292 с.
14. Noy I. S. Okhrana chesti i dostoinstva lichnosti v sovetskom uголовном праве. — Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 1959. — 125 с.
15. Rudy N. K. Uголовно-pravovaya kharakteristika klevety // Rossiyskiy sudya. — 2002. — № 8. — С. 38–44.
16. Saraev V. V. Sportivnye «feyki»: uголовно-pravovoy i kriminologicheskoy aspekty v razreze st. 207.2 UK RF // Rossiyskiy sledovatel. — 2023. — № 1. — С. 40–44.
17. Simonova S. V. Obespechenie dostovernosti informatsii v seti Internet: sovremennyye pravovyye osnovy i yuridicheskaya praktika // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — № 11.
18. Snezhko O. A. Obespechenie prava na dostovernuyu informatsiyu v tsifrovom prostranstve // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe право. — 2021. — № 6. — С. 38–43.
19. Sovetskoe uголовное право. Chast osobennaya / pod obshch. red. A. A. Gertsenzona i Z. A. Vyshinskoy. — М., 1951. — 431 с.
20. Terskikh A. I. Uголовный закон v realiyakh informatsionnogo obshchestva: novosti feykovy — nakazanie realnoe // Zakonnost. — 2022. — № 8. — С. 32–37.
21. Kharlamov D. D. Novelly uголовного zakona, svyazannyye s pandemiy koronavirusa (COVID-19): voprosy kvalifikatsii // Uголовное право. — 2021. — № 5. — С. 43–53.
22. Cherednichenko E. E. Kleveta i oskorbleniye: uголовно-pravovoy analiz (problemy teorii i praktiki): monografiya. — М., 2010. — 144 с.
23. Yani P. S. Falsifikatsiya edinykh gosudarstvennykh reestrov (statya 285.3 UK): voprosy kvalifikatsii // Zakonnost. — 2021. — № 8. — С. 38–43.